

Отзыв официального оппонента

о диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Скрипки Вероники Константиновны на тему: «Функционирование указательных местоимений в русской деловой письменности XIV – XVII вв.» по специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России»

Рецензируемая диссертация посвящена актуальной проблеме общего и русского языкознания — эволюции системы указательных местоимений. В русистике термин «указательное местоимение» обычно используется в качестве рамочного обозначения для всех дейктических и анафорических употреблений местоимений 3-л., что соответствует традиции сравнительно-исторических описаний. Соотношение дейктических и анафорических употреблений зависит не только от выбора конкретного местоимения как единицы словаря, но и от системного противопоставления разных местоимений, при этом в среднерусский и ранненоворусский период употребление указательных местоимений претерпевает существенные изменения. Зеркалом этого являются изучаемые В. К. Скрипкой памятники деловой письменности XIV – XVII вв. Хотя в данном случае речь идет не о об одной, а о нескольких письменных традициях, связанной с разными регионами, последовательно хронологическое рассмотрение дает достаточно полное представление о тенденциях развития системы местоимений с поправкой на то, что дистрибуция указательных местоимений в формулах приказного стиля может отражать не только узус писцов, но и стереотипы построения делового текста, сложившиеся в предшествующий период. С учетом этого В. К. Скрипка выстраивает композицию своего диссертационного исследования.

Диссертация В. К. Скрипки состоит из Введения, трех глав, Заключения, и Списка источников и научной литературы. Общий объем диссертации — 163 стр.

Во *Введении* представляется материал исследования и уточняются использованные источники. Вслед за рядом предшественников, в числе которых Г.А. Хабургаев, Т. А. Сумникова и Е. А. Галинская, диссертант принимает трехчленную концепцию дейксиса (ориентация на говорящего vs ориентация на слушающего vs отсылка к индивиду, не являющемуся участником речевого акта), с постулированным А. Мейе распределением основ **sъ*, **tъ* и **onъ* по трем ступеням дейксиса в поздний праславянский период. Такое решение поддерживается не только авторитетом А. Мейе и перечисленных ученых, но и самим набором праславянских и древнерусских местоименных основ. Весьма естественным является и принимаемое диссертантом на стр. 16 разведение местоименных парадигм *онъ* – *его* и *онъ* – *оного* для древнерусского языка: первое местоимение, по Г. А. Хабургаеву, служило нейтральным указанием на 3-е лицо, а второе было эмфатическим показателем дальнего дейксиса. Против этого, как кажется, свидетельствует упоминаемое на той же странице соображение: субъектное местоимение *онъ* в древнерусский период обычно использовалось в связанной форме (*онъ же*, *а онъ*), что предполагает коммуникативное выделение. Это противоречие не фатально, но оно напоминает о том, что ярлыки типа ‘нейтральность’, ‘эмфаза’ в грамматическом описании должны проясняться. Для работы В. К. Скрипки спорный статус субъектного местоимения *онъ* не имеет большого значения, так как оно в диссертации специально не рассматривается. Что же касается атрибутивного местоимения *онъ* – *оного*, оно встречается в описанном массиве памятников лишь спорадически в связи с тем, что в силу жанровой специфики контексты дальнего дейксиса возникают в деловых

грамотах редко (стр. 27). В соответствии с требованиями, предъявляемыми к квалификационным работам, автор на стр. 24-26 обосновывает актуальность, новизну и значимость своего диссертационного исследования, перечисляет решаемые задачи и используемые методы. Сочетание методов синхронного описания памятников языка и элементов сравнительно-исторического анализа является частью академической традиции, к которой принадлежит диссертант. Во Введении упоминаются понятия теории грамматики, заимствованные В. К. Скрипкой из работ Е. В. Падучевой и А. А. Зализняка — ‘указательная группа’, ‘субстантивированный атрибутив’ и др. Заявленная цель диссертации — проследить эволюцию принципов употребления указательных местоимений в текстах делового регистра с XIV по XVII вв. Для достижения этой цели, как указывает диссертант на стр. 24, необходимо установить семантические и синтаксические факторы, влияющие на выбор того или иного указательного местоимения, а также описать системные отношения между ними для каждого рассматриваемого периода — XIV в., XV в., XVI-XVII вв. Из шести Положений, выносимых на защиту, первые пять касаются соответствий между местоимениями и функциями ближнего, среднего и дальнего дейксиса, а шестое — артиклевой функции местоимения *тъ* (*тотъ*). Как и большинство ее предшественников, В. К. Скрипка отстаивает тезис о том, что полной грамматикализации определенного артикля в истории русского языка не было.

Глава 1, “Функционирование указательных местоимений в грамотах XIV века» (стр. 32 – 65), посвящена двум местоимениям — *сь* (*сей*) и *тъ* (*тотъ*) в духовных и договорных грамотах Великорусского центра и современных им грамотах Новгорода и Пскова, относящихся к XIV в. Эта группа памятников известна лучше всего, однако комментарии В. К. Скрипки очень полезны как в плане лингвистического анализа, так и для понимания

древне- и среднерусских имущественных терминов и обсуждаемых реалий. Автор делает вывод о том, что дейктическая функция местоимения *сь* (*сеи*) неустранима, а возможные анафорические употребления этого местоимения являются сопутствующим феноменом (стр. 40). Местоимение *тъ* (*тоть*) имеет в этот период функции анафоры и т.н. детерминатива, т.е. слова-коррелята придаточного предложения. Субстантив *то* в функции анафоры имеет ситуационную референцию, его употребление сходно с употреблением эксплетивного слова *это* в современном русском языке (стр. 49). В. К. Скрипка также приводит примеры, по ее мнению, свидетельствующие об употреблении *тъ* (*тоть*) в функции, близкой к функции определенного артикля (стр. 50-51), однако при чтении диссертации возникает ощущение, что это научная метафора, поскольку не всякий показатель определенности является артиклем. Термин ‘детерминатив’ в рецензируемой работе резервируется для употреблений т-слова в относительных конструкциях типа *а кто речеть судъ, а тому судъ*, что создает неудобство. В общей лингвистике термин ‘детерминатив’ (D) используется для того, что В. К. Скрипка называет ‘артиклевой функцией местоимения’, а то, что в диссертации названо ‘детерминативом’, чаще называется термином ‘коррелят’. В заключительном разделе главы пересказывается типология относительных предложения по известной статье А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой (1974 г.; диссертант ссылается на переиздание 1997 г.) и делается вывод о том, что большинство относительных предложений в деловых памятниках XIV в. относится к т.н. архаическому типу с препозицией придаточного, ср. *А что есмь писалъ в сю грамоту, то...* Это закономерно: собственно, А. А. Зализняк и назвал этот тип ‘архаическим’, исходя из имеющихся сведений о том, что такая модель преобладает в древнерусских памятниках некнижного стиля. По поводу же примера *А што мои зашелци в*

Торжську, а *то* есмы положили в ысправу (Н12) с диссертантом можно поспорить. В. К. Скрипка на стр. 63 утверждает, что здесь ‘субстантив <то> отсылает к людям’, так как по контексту ‘зашельцы’ — это воины князя Михаила Тверского, зашедшие в Торжок. Однако здесь местоимение *то* явно имеет непредметную референцию и отсылает не к людям, а к событию ‘заход воинов в Торжок’

Глава 2, “Функционирование указательных местоимений в грамотах XV века» (стр. 66 – 114) вдвое длиннее главы 1, так как и самих грамот, и описываемых употреблений указательных местоимений больше. Комментарии диссертанта к грамотам, например, обсуждение того, что значит *сия сторона* в грамоте Ц44 (стр. 72 – 73), очень полезны и здесь. К обсуждению противопоставления *сей* vs *оный* в грамоте Ц17 стоит добавить параллель из новгородской берестяной грамоты № 954 (сер. XII в.), где писец ссылается на то, что ранее с *оного пола*, т.е. другого берега Волхова, уже приходила жалоба на поведение того же жителя Людина Конца (*со оного по^лоу грамата · про къни же та бы^с оже е-си тако сътворилъ*). Примеров, где *сь* (*сеи*, *сесь*) имеет анафорическую функцию, в этот период больше, но диссертант небезосновательно полагает, что в контекстах типа <подарил скамью>...эту скамью дейктический потенциал местоимения ближнего дейксиса сохранен (стр. 76). В плане теории уместно задаться вопросом, а возможно ли в принципе, чтобы показатель ближнего дейксиса, не подвергшийся десемантизации, утратил бы дейктическое значение полностью. Далее автор работы переходит к анализу употреблений местоимения *тъ*. Изложение корректно, но с некоторыми деталями можно поспорить. Я не вижу прямых оснований постулировать для субстантива *то* в грамотах Ц63а, Н135 предметную референцию. Как именно автор установил, что местоимение в контекстах типа ‘заплати пошлину за

договор в два алтына, а сверх этого пошлин нет’ отсылает к ИГ *пошлина*, а не ко всей ситуации, описываемой предыдущей клаузой? Что касается обсуждаемой на стр. 102 плеонастичной конструкции *оприсно того села, что есмь взял оу Семена оу Аминева пасынка село в Тростнѣ въ своемъ имени Ц35 Ia*, устраненной в парной грамоте Ц35 Ib, то здесь полезно было бы дать статистику, чтобы можно было решить, имеем ли мы дело с маньеризмом писца или с упадком ‘архаического’ типа придаточного относительного. На стр. 104 автор пишет, что ‘субстантивированные атрибутивы использовались более часто для обозначения людей, а отсылка к предметам — это сокращение аналогичной указательной группы’. Первая часть этого утверждения — просто констатация, а вторая апеллирует к синтаксической теории. Возникает вопрос. Если в предложениях типа *А что будет итнал иць твои, кн(я)зь великы Гюлеъ Иванович, Татарьския мѣста и Морьдовския, а та тобѣ и есть* (Ц19) выражение *та* во второй клаузе можно трактовать, как сокращение группы [DP *та* {~~Татарьския мѣста и Морьдовския~~}], что мешает применить тот же анализ к примерам, где антецедентом является лицо? Завершается раздел сводными таблицами, показывающими распределение относительных местоимений в грамотах XIV и второй половине XV вв. То, что эти таблицы помещены рядом в одной и той же главе, для читателя удобно. Но возникает вопрос, репрезентативны ли данные столь маленьких выборок. В заключительных разделах обсуждаются изолированные примеры, где местоимение *тъ* предваряет прямую речь (стр. 112), а местоимение *такой* употребляется в значении ‘подобный’ (стр. 113).

Глава 3, “Функционирование указательных местоимений в деловой письменности XVI – XVII веков» (стр. 115– 143), является основным источником сведений о динамике развития системы указательных местоимений. В описываемый период местоимение *сь* (*сей*) теряет свое место

в системе дейктических противопоставлений. Употребления этого местоимения в грамотах клишированы, при этом в исследованном массиве грамот 'не встретилось местоимение *сеи*, которое бы достоверно отсылало к другому документу, кроме как к тому, где оно употребляется' (стр. 120). Имеется изолированный пример *по сю сторону* (М II, 55), который все же рассматривается как случай ближнего пространственного дейксиса на стр. 122. На последующих страницах приводится интересная коллекция формульных клише со значением временного и пространственного дейксиса, где продолжает использоваться местоимение *сеи*. Функции местоимения *тотъ* В. К. Скрипка, ссылаясь на обилие однотипных примеров, демонстрирует только на материале южновеликорусских памятников XVII в. (стр. 129). Диссертант отмечает расширение артиклевых употреблений *тотъ* (стр. 133). Найденные ею примеры употребления субстантивированного атрибутива *тотъ* отсылают только к людям, а не к предметам (стр. 139). Завершается глава обсуждением случаев катафоры, а также употреблений местоимений *такои*, *таковъ* (стр. 141 – 144).

В *Заключении* (стр. 145 – 155) подводятся итоги работы. Замечания к этой части диссертации связаны с тем, что она не является чистым резюме предыдущих глав и содержит новый материал, который не обсуждался или подробно не обсуждался в главах 1 – 3, например, сведения об употреблении местоимения *этотъ* (*энтотъ*) в истории русского языка. Вынесенные в Заключение таблицы 6 (функции указательных местоимений в древнерусском языке по Т. А. Сумниковой) и 7 (функции указательных местоимений в современном русском языке по Е. В. Падучевой) стоило дать раньше, тем более, что речь идет о классификациях предшественников диссертанта. Неясно, воспроизводятся ли эти классификации в таблицах 6 и 7 буквально или с изменениями, внесенными диссертантом: этот момент

стоило бы оговорить. Диссертация завершается выводом о том, что система указательных местоимений, представленная в грамотах XIV – XV вв., является промежуточным звеном между древнерусской и современной русской. Позднее роль показателя дальнего дейксиса переходит от *оный* к *тот*, а новое местоимение *этот* перенимает у *тот* роль показателя ‘нейтральной анафоры’ и вытесняет *сь* (*сеи*, *сесь*) в роли показателя ближнего дейксиса. Эти процессы могли протекать уже в XVI-XVII вв., но исследованные памятники деловой письменности этого не показывают, поскольку употребления *сь* в них присутствуют лишь ограниченно, а местоимение *этот* не представлено (стр. 145).

Список источников включает 6 изданий, а список научной литературы — 82 наименования, при этом лишь 4 из них — на иностранном языке. Такое соотношение, возможно, отражает отсутствие большого числа зарубежных работ, непосредственно посвященных деловой письменности среднерусского и ранненоворусского периода.

Достоинства рецензируемой работы и высокая компетентность автора в области истории русского языка очевидны. Работа написана хорошим языком, без лишнего наукообразия и злоупотребления терминами. Вместе с тем, рецензент вправе сделать несколько замечаний.

- 1) Структура диссертации и ее оформление вызывают некоторые вопросы. Выводы к главам отсутствуют, Заключение содержит новый материал. Автор оказался заложником избранной им схемы — рассмотрение системы указательных местоимений в хронологическом порядке — и не представил отдельной теоретической главы. В итоге, теоретические рассуждения оказались распределены между Введением и Заключением, формат которых не позволяют развернуть их должным образом. Примеры в тексте не пронумерованы.

- 2) Не указана полная статистика исследования. Из Введения, стр. 5 – 10, следует, что в грамотах XIV – XV вв. диссертант рассмотрел ок. 3310 релевантных словоупотреблений с указательными местоимениями, а в грамотах XVI – XVII вв. — более 5000. Но в дальнейшем все эти данные не используются, так, в таблицах 1 и 2 сопоставляются подборки размером в 100 – 130 предложений. Понятно, что отсутствие корпуса грамот или его неполнота затрудняют подсчеты. Тем не менее, читатель вправе расценить приводимые примеры просто, как иллюстрацию, а утверждения диссертанта о частотности тех или иных комбинаций приходится принимать на веру.
- 3) В ряде мест терминология диссертанта мешает читателю перевести его рассуждения на язык теории грамматики. У меня нет претензий к рабочим терминам ‘атрибутив’, ‘субстантив’, ‘субстантивированный атрибутив’, когда они применяются к указательным местоимениям: из контекста, в основном, понятно, о каких синтаксических позициях идет речь. Однако воспроизводство авторского термина ‘атрибутив’ по отношению к вопросительно-относительному местоимению (*к-слову*), заимствованное из работы [Зализняк, Падучева 1974], создает неудобства. Читателю приходится долго ломать голову над тем, почему несогласуемое местоимение *кто* в дат.п. объявлено атрибутивом в предложении *А кому будет жалоба сиротамъ на волостели, и тѣмъ людем оучинит исправу княгини моя*, как написано на стр. 57. Термин ‘определенная именная группа’ едва ли принадлежит Е. В. Падучевой, как утверждается на стр. 37, это перевод англоязычного термина ‘determiner phrase’ (DP) в генеративной грамматике. В. К. Скрипка вслед за Е. В. Падучевой также использует близкий термин ‘указательная группа’ на стр. 30 и далее. Слово ‘группа’ налагает на

лингвиста определенные обязательства при принятии грамматики составляющих. Свидетельствует ли заимствование этих терминов о том, что диссертант признал указательное местоимение синтаксической вершиной словосочетаний *та книга, эти книги*? Текст диссертации не дает ответа на этот вопрос. Заметим, что часть зарубежных славистов отвергает анализ в терминах DP для русского, древнерусского и других неартиклевых славянских языков.

- 4) Комментируя пример *А поѣдет на Версъ с торговлею, ино с того денга жо* ‘если поедет с товаром в Бежецкий Верх, то с того надо взять пошлину’ Цб3а на стр. 87, В. К. Скрипка усматривает в нем эллипсис ‘союзного местоимения *кто*’, ср. *А ~~кто~~ поѣдет на Версъ с торговлею...* Представляется, что восстанавливать *кто* тут необязательно. Перед нами старая формула юридического языка с опущенным подлежащим местоимением (*pro*) в неопределенно-личном контексте, ср. др. рус. *Оже ли оутнеть роукоу, и отпадеть роука, либо оусохнеть, то 40 гривенъ*. («Краткая Правда», ст. 5). Ср. также в новгородской грамоте ГВНП № 28 (ок. 1189 – 1199), с последовательным опущением местоименных подлежащих: *оже емати скотъ варягу на русинъ или русину на варязъ, а ся его заприть, то 12 мужъ послухы, идетъ ротъ, възметъ свое*.

Сделанные замечания отчасти носят дискуссионный характер и не влияют на общую высокую оценку диссертации В. К. Скрипки как оригинального и ценного исследования в области исторической русистики. Автореферат и публикации соответствуют содержанию диссертации. В самой диссертации есть примечания о том, что содержание ее отдельных разделов отражено в таких-то и таких-то публикациях автора, с указанием выходных данных.

Диссертация В. К. Скрипки отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.5. – «Русский язык. Языки народов России», а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Автореферат и публикации отражают содержание диссертации. Таким образом, соискатель Скрипка В. К. заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.5. – «Русский язык. Языки народов России».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,

главный научный сотрудник

департамента научной деятельности

ФГБОУ ВО «Государственный институт имени А. С. Пушкина»

Антон Владимирович Циммерлинг

/А. В. Циммерлинг/

23.08.2024 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 10.02.20 – «Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание»

Адрес места работы:

117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д.6,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина», департамент научной деятельности

Тел.: +7 (495) 330-86-65; e-mail: AVZimmerling@pushkin.institute

Подпись руки Циммерлинга А.В. заверяю: